

О КНИГЕ, О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ ● О КНИГЕ, О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ ● О КНИГЕ, О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Римма КАЗАКОВА

Кн. обозрение. — 1999 —
21 июня. — с. 7

ПУШКИН И МЫ, ПОЭТЫ

Международный Конгресс. Санкт-Петербург. Естественно, во славу двухсотлетнего юбилея Пушкина. Таврический дворец. Полторы сотни поэтов, натурально, хороших и разных.

Начну не с начала. В выступлении одного из самых оригинальных и непохожих господина Пригова прозвучало понятие «фантома» Пушкина. Дмитрий Александрович Пригов, который, подобно певцу Сергею Васильевичу Челобанову, велит именовать себя исключительно по имени-отчеству, произнес речь о том, «как низкое становится высоким, а высокое — серьезным» и как это, в общем, ничего не значит. Говорил Дмитрий Александрович невнятно, скороговоркой, его пытались недружными хлопками притормозить или даже согнать с трибуны, но строгая Наталья Борисовна Иванова сказала, что у нас демократия, что пусть произносит до конца свою «провокативную» речь.

Аудитория смиренно заткнулась, что говорило о ее воспитанности и о преимущественном положении на Конгрессе литературоведов и критиков, которые в зале составляли подавляющее меньшинство, но, что называется, правила бал.

Я спросила у Наташи Ивановой позже, за трапезой в импозантном отеле «Морской», где нас расселили: что бы это значило? Она мне доброжелательно разъяснила, что Пригов говорил на культурологическом языке, не всегда понятном простым смертным, будь они и стихотворцами. Но мне было, честно говоря, и неважно, что мой постмодернистский, концептуалистский и т.д. собрат хотел — или не хотел — воткнуть нам в мозги. Я ухватила с простосердечной радостью слово «фантом». Мой фантом Пушкина прост и ясен, мне не надо переводить его с языка культурологии. Он — такой, как у многих, многих. Он — это сам Пушкин, которого я просто люблю и с которым по этой причине не расстаюсь.

И хотя Станислав Лесневский, умно заметивший, что Пушкин — это не наше все, а то, чего у нас нет, упрекнул поэтов в том, что они пришли на Конгресс «не готовыми», думаю, что поэты всегда ко всему готовы.

И каждый из нас, будь на то воля Божья и начальства, мог бы даже с ходу произнести маленькую речь о Пушкине.

Но от нас этого не потребовалось. Мы просто без конца и везде, куда нас приводили и привозили, читали стихи. А люди нас слушали на удивление терпеливо и внимательно, под дождем и в душных залах, знаменитых и начинающих, как бы понимая нашу особую связь с великим и родным гением.

Честь произнесения апологетических речей во славу Пушкина была отдана всецело Белле Ахмадулиной и немного Андрею

Битову. И это правильно. Битов никого не мучил непонятным и длинным, сказал только с выстраданной убедительностью об *одиночестве* Пушкина. Что касается Беллы, она — мастер изящно, блистательно и загадочно говорить о возвышенных предметах, и она вызвала горячую реакцию исторического Таврического.

Белла, как всегда, была хороша, аристократична и уж точно все достаточно высокое превращала в недоступно высокое. И еще — у нее были великолепные шляпы, что зрительно очень украшало демократичный в целом и разномастный Конгресс.

Магадан и Новосибирск, Москва и Ярославль, Красноярск и Омск, разбавленные Лондоном и Лос-Анджелесом, Парижем и Чикаго, Бостоном и Тель-Авивом, жадно внимали происходящему.

Сперва генеральный директор Санкт-Петербургского отделения Международной ассоциации содействия культуре Березовский, однофамилец Бориса Абрамовича (Борис Леонидович, однако!), наш главный поводырь по дорогам праздника, рассказал нам про всех, кто был причастен к Таврическому дворцу до нас. От матроса Железняка с его «караул устал!» и далее. Мы ощутили историческую значимость собственных персон.

Потом роскошный губернатор Яковлев произнес по-пушкински светлую речь, приветствуя нас всех и обаятельно заметив: «Если вам что здесь и может не понравиться, так это разве что моя физиономия...» И в этом тоже был феномен пушкинской простоты и шутиливой открытости. И власть расположила поэтов к себе.

Потом началось некое насилие над психикой более чем сотни сочинителей стихов, ибо, как все творческие люди, мы, стихотворцы, плохие потребители культуры. Мы же творцы, черт возьми! Помните про чукчу: «Чукча не читатель, чукча писатель...»

Но литературоведы — тоже творцы, и поэтому трудновато было слушать скороговорку высочоталантливой Мариэтты Чудаковой, чеканную, но сложную речь Игоря Шайтанова и поэтические переливы Виктора Кривулина.

Поэты, однако, в последовавшем за докладами чтении стихов на открытии Конгресса недалеко ушли от литературоведов. Кое-кто, выпив для храбрости или по привычке, читал не одно посвященное Пушкину стихотворение, как было оговорено, а много больше. Иные, подобно Пригову, произносили нечто невнятное. А кое-кто — прозрачно примитивное и незначительное или чрезмерно высокоумное и непонятное. И то, и другое не имело никаких шансов стать высоким. Но демократия была соблюдена, да к тому же все увидели всех, и сердце радовалось

оттого, что караул не устал. Да и не было никакого караула, кроме Наташи и Алеши Баженовых, помогавших улыбчивому Березовскому загонять нас в автобусы и распределять по мероприятиям.

Второй день работы Конгресса запомнился умной речью Вадима Перельмутера, который теперь проживает в Мюнхене, ярким сообщением блистательного «американца» Александра Жолковского из Лос-Анджелеса и сожалением о том, что скандальный Борис Парамонов так и не приехал.

А уж на третий день Малый зал Филармонии услышал замечательного Ефима Эткинда, которого Отечество во времена похуже теперешних сослало в Париж. Он с педагогической снисходительностью и мудрой добротой объяснил нам, как детям, что Санкт-Петербург — самая европейская из европейских столиц, а Пушкин — самый европейский поэт. Было еще понравившееся мне и не понравившееся Станиславу Лесневскому выступление Дмитрия Бобышева из Соединенных Штатов, который уверенно и доказательно развил мысль о том, что Пушкин был и святой, и грешный — в общем, человек, которому ничто человеческое не чуждо. Звучали и другие выступления, по своему оригинальные и любопытные.

В перерывах между разгулом интеллектуальной пушкинистики поэты на разных площадках и в утомительно большом количестве все читали и читали стихи.

Во дворе пушкинского Дома музея на Мойке с меня как раз начался вполне тропический ливень. Но народ не расходился. Вообще мы были обласканы читающим Санкт-Петербургом, что называется, до упора. Как будто и впрямь в нас видели материализованную часть Пушкина. В маленьком кафе на Мойке после выступления меня, промокшую до нитки, Лариса, хозяйка уютного этого заведения, напоила коньяком из собственной записки. Наверное, издавка, через время Конгресс поэтов будет представляться нам оазисом в холодном мире расчета и хозяйственных забот, которыми заполнена до отказа теперешняя жизнь...

Помимо читателей был еще у нас естественный интерес друг к другу. Мы познакомились, общались, тусовались. Не обошлось и без небольших драматических коллизий. Так, группа пишущей братии, где были наши строгие критикессы Алла Латынина и Наталья Иванова, ухитрилась даже нарушить государственную границу России, покатавшись на катере и выйдя, где не положено. Нарушителей долго не отпускали. Олеся Николаева даже читала стихи пограничникам, и, возможно, это было ошибкой, ибо пограничники тоже люди, им хотелось послу-

шать стихи — и группа опоздала на ужин.

Бедный Алексей Алехин, один из координаторов Конгресса, охрип окончательно, выполняя роль рулевого. Обремененный такой же начальственной долей, Александр Кушнер появлялся редко, а их собрат по организационным заморочкам Тимур Кибиров вел себя легко и воздушно, как будто и не начальство вовсе.

Ах, как же все было замечательно! Даже накладки. Меня забыли предупредить, что я выступаю в Капелле на большом поэтическом вечере, я решила проявить амбициозность — а то еще и за поэтессу не посчитают! — и уехала в гостиницу. Какой же поэт без капризов! Мое решение разделил Кирилл Ковальджи. Но без нас, само собой разумеется, обошлись. И так вечер длился четыре часа! А публика все это более чем благожелательно терпела.

Зато я провела незабвенных два часа на площади Искусств в обществе прелестного дитяти от поэзии Наума Коржавина. И еще было вручение премии «Северная Пальмира» и трогательный момент: нам представили Виктора Семеновича Новоселова, депутата городского Законодательного собрания, представителя движения «Патриоты Петербурга». Если бы не он, Конгресс бы не состоялся. Мы все уже получили телеграммы с извинением от Оргкомитета. Но Новоселов нашел деньги — и колесо истории, поскрипев, повернулось вспять и покатилося намеченным путем...

Вспоминаю, как сорок лет назад здесь, в тогдашнем Ленинграде, была Всесоюзная поэтическая дискуссия. Ночью мы, несколько поэтов, под лавиной снегопада отправились на могилу Блока. Сторож долго нас не пускал. «Да кто вы, собственно, такие?» — раздраженно поинтересовался он. «Родня, родственники поэта!» — радостно ответили мы. «Ну, раз родственники — идите!»

Спасибо Санкт-Петербургу, его правительству, его губернатору, спонсорам, оргработникам от культуры, поэтам и всем причастным — за то, что признали нас родней великого Пушкина. Поняли, что мы несем ту же миссионерскую ответственность и выполняем свой долг в меру таланта и способностей. Спасибо за то, что подарили нам наш профессиональный праздник в лучший для этого день двухсотлетнего юбилея Пушкина!

...Вернувшись в Москву, я с грустью убедилась: не напрасными были мои предчувствия, что кое-где празднуют не юбилей поэта, а юбилей камер-юнкера по фамилии Пушкин. Прошли, конечно, выступления поэтов в разных точках Москвы, но не было большого поэтического вечера. В Концертном зале «Россия», в Колонном зале Дома союзов или в Зале Чайковского. Как это всегда бывало в прежние годы. В Большой театр на юбилейный вечер писателей не звали. Очень негусто было их и на приеме в Кремле. Медали с Пушкиным выдавали друг другу чиновники всех видов. Праздник поэта без поэтов! Ну и ну... И только рыцарь своего поколения и его идей режиссер Савва Кулиш в кинотеатре «Художественный» устроил поэтический вечер, где выступали Андрей Вознесенский, Татьяна Бек, Татьяна Кузовлева, Леонид Завальнюк, Константин Кедров, литмолодежь, поэтические наследники Александра Сергеевича.

Что к этому добавить?

Включила приемник. «Эхо Москвы». Примечательный диалог:

— Ох, эта жара!

— Да, сперва Пушкин, теперь вот жара...

Для тех, кто устал от жары и Пушкина, и то, и другое — временно. Не надо и кручиниться.

Не то для нас, поэтов. Жара и прочее — это пройдет. А Пушкин — всегда и навсегда, на всю оставшуюся жизнь.

Kazakova Rimma

21.6.99.